

ТАТЬЯНА ФИЛИППОВА

ХАНУМАН

РАССКАЗЫ

Барабулька

Уши заложило, звуки вокруг стали неяркими, будто их поглощали блики — прожилки света в морской воде. Всё дно каменное. Папа говорит, что это лава старого вулкана. Я дотрагиваюсь до большого мохнатого булыжника: водоросли на нём от касания раздвигаются в разные стороны, как шторы в гостиной, когда мама хочет сделать так, чтобы было светло. Люстру мы ещё не купили. Я хочу большую и с прозрачными висюльками. Старая разбилась, когда папа кинул стул.

Отталкиваюсь от дна и выплываю наверх. Вырываюсь из густоты воды, которая не хочет отпускать.

— Вот это да! Ты так долго держишься под водой! — Катька, соседка по отелю, боязливо держится на плаву с помощью нарукавников, ей мама не разрешает нырять:

— Нахлабашься воды и заболеешь на весь отпуск!

* * *

— Володя, мне кажется, нам пора развестись, — говорит мама как-то излишне тихо, внутренне надеясь, что он не услышит и тема останется ещё долго нетронутой.

ФИЛИППОВА Татьяна Владимировна родилась в 1997 году в Орске. Публиковалась в альманахах “Орь”, “Гостиный двор”, газете “Вечерний Оренбург”. Лауреат Всероссийской премии “Капитанская дочка”, в 2015-м выпустила первую поэтическую книгу “Будто мы незнакомы”, в 2018-м — сборник стихотворений “Акварели рек”. Учится в Литературном институте имени А. М. Горького, семинар А. Ю. Сегеня.

— Я ждал, когда ты это скажешь.
— А как же ребёнок?
— Я буду забирать её на выходные.
— Я о том, что в нежном возрасте дети очень остро реагируют на развод родителей...
— Скажем, что из-за ремонта будем жить в разных квартирах. От тебя до школы ближе. Она и не поймёт, что случилось.

* * *

Марьяна смугленькая, и я ей очень завидую: кажется, что она всегда загоревшая. Наверное, не нужно с такой кожей страдать от солнечных ожогов и лежать в отеле с температурой.

Она говорит, что ненавидит море. Из-за того, что их дом рядом с ним, вся семья работает лето и часть осени. Марьяна хочет отдыхать и веселиться с нами, а приходится помогать маме — мыть гостевые номера, кухни, туалеты.

Ещё у неё очень густые волосы, чёрные-чёрные и всегда кудрявые. Мне для таких волн на голове нужно заплести аж десять косичек! И спать с ними всю ночь, да и держатся они не очень долго... Кажется, это ужасно нечестно.

Сегодня Марьяна открыла мне *тайну*.

* * *

— Даже маленький ребёнок — личность, и нужно говорить с ним, как со взрослым, о важных вещах.

— Да угомонись уже, все бу-бу-бу да бу-бу-бу! Хорошо, я скажу ей всё начистоту, сейчас. И если мороженое куплю, она и не заметит этой новости. Вся ведь в тебя.

— Хорошо.

* * *

В стародавние времена вулкан замерзал из-за холодного моря. Его пенящаяся лава остывала в холодных волнах, но, умирая, он оставил своё сердце там, где провёл всю жизнь. И поэтому море стало тёплым. Многие люди боялись смерти вулкана: вдруг это предзнаменование богов? Всё ясно, теперь дела станут гораздо хуже, ведь привычный ход вещей нарушился. Другие торжествовали, что огнедышащей опасности под боком нет и можно жить спокойней, без страха. Некоторым было всё равно, но о таких сказки не складывают.

Когда вулкан умирал, он почувствовал два этих разных настроения. И тогда сделал ещё один дар людям. Застывая, его лава стала чёрной галькой — в память о тех, кто держал в сердце страх перед ним, и белой — как напоминание о смельчаках, забывающих разрушительную силу природы...

— А с серыми камнями чо? — Катя недоверчиво фыркнула.

— Ну, серые — это как чёрные.

— А рыженькие?

— Катя, замолчи, бесишь уже, я тут вам *тайну* рассказываю, а ты лезешь с дурацкими вопросами!

Так вот. И теперь можно задать самой душе вулкана, оставшейся в этих камнях, любой вопрос. Но только один. И отвечает он всегда правдиво... Главное — отплыть на то расстояние, когда не касаешься дна, и нырнув, задать вопрос. Чёрный — “нет”. Белый — “да”.

— Да глупости это всё, — не унималась скептическая Катя.

— Вот люди за эту *тайну* деньги платят! Мой брат Эдик, между прочим, тоже в это верит! А он большой и взрослый! Вместе с туристами он

отплывает туда, где море чистое и можно увидеть дельфинов. Потом тот, у кого есть вопрос, ныряет с братиком глубоко-глубоко, только вот у этого человека маска вся чёрная, и он ничегошеньки не видит! Экстрим называется! Только вот Эдо положил в ту область лишь белые камни, чтобы люди не расстраивались, и это всегда работает, к нему столько людей приезжает ради этого! Только иногда плохо выходит — один мужчина загадал, изменяет ли ему жена, а камень-то белый... Но это редко происходит, так что мы, как говорит братик, “в наваре”!

— Ну, я же говорю, что всё обман! — не унимается Катька. — Вот я недавно с родителями была в парке, там дядька стоял железный, все ему терли руку и загадывали желание, мол, непременно сбудется! Видели бы вы эту ручищу — аж золотая стала! Ну, и моё не сбылось, фигня это всё!

— А что ты загадывала?

— Ящик мороженого и пони.

— Ну, ты и тупеха! — рассмеялась Марьяна. — Даже глупые дети знают, что если веришь в волшебство, то всё-всё-всё получится, а ты недостаточно верила!

— Нет, верила!

— Нет, не верила!

Девочки начали брызгаться, а я немного отплыла. Стало страшно. Ведь это опасно. Но мне нужно знать правду.

* * *

— Эгоист. Оставляешь на меня одну ребёнка.

— Буду забирать его по выходным, обещаю.

— Её! У тебя дочь!

— Ну да, ещё одна баба в семье — то, чего я совсем не хотел.

— Ты ведь нашёл кого-то на стороне, да? Уже определился с новой “женщиной всей жизни”?

— Скажем так, провожу кастинг.

— Скотина. Семь лет жизни коту под хвост.

— Кота, кстати, тоже заberi. Он зверски линяет на мои костюмы.

* * *

Я уже слишком долго была в воде и чувствовала мурашки на коже. Родители не звали на берег. Не хочу выходить, они там точно ругаются. У Жени в моём классе развелись родители. Теперь её мама ходит с заплаканным лицом, а Женья больше не играет во дворе. Ей приходится нянчиться с младшим братом, которому и года нет, а ещё стирать, гладить, убирать, готовить. Всё из-за того, что её мама теперь работает допоздна.

Я не хочу видеть свою мамочку плачущей. Наверное, это больно. И не хочу не играть во дворе — это же так тяжело. Поэтому мне очень нужно узнать правду. Если это не скажут взрослые, то я узнаю это от души вулкана. Главное, не нахлебаться воды, а то меня опять будут ругать.

Жаль, что никто с берега не наблюдал за мной.

* * *

— Может быть, дадим нашим отношениям второй шанс? Ребёнку расти в полной семье очень важно, особенно в таком возрасте...

— Если это нужно только одному супругу из пары, то такое называют “эгоизмом”.

— Это нужно нашей дочери.

— Эх...

* * *

Под водой хорошо. Я не хочу выныривать. Сейчас или немного потом меня позовут с берега и заставят греться, хотя мне совсем не холодно. Это нечестно.

С закрытыми глазами нырять приятнее, будто засыпаешь. Нащупываю дно. Задаю вопрос. Галька будто соскальзывает ко мне в руку.

Я почему-то потяжелела и пузырьки воздуха яростным бурлением вышли изо рта. Море тянет к себе.

Наверное, всё-таки надо плыть наверх. Если я умру, мама точно расплачется.

* * *

— Ну смотри, у тебя же аж губы синие, куда столько плавать?! Дорвалась, называется! — мама яростно растирает меня махровым полотенцем.

— Хочешь мороженое? — спрашивает отец, но мне становится страшно: я вижу себя в отражении его чёрных очков. Неужели я такая некрасивая и к тому же трясусь?

— Нет.

— А что тогда?

— Барабульку хочу.

— Это ещё что за зверь?

— Не знаю, её тут все продают, а звучит она вкусно.

— Давай я куплю тебе её, а потом мы сядем и поговорим, хорошо?

Моё отражение в папиных очках испуганно и резко кивает.

Девочка боится. Девочка ещё не успела изучить находку. И ей страшно это сделать. В маленьком кулачке, как последнее спасение, она сжимает застывший огонь древнего вулкана — чёрный камушек.

* * *

— Что с ней? Она что, аутист?

— Тшш.

— Моя дочь — ненормальная? Почему она разговаривает с этим дурацким камнем?

— У неё стресс. Она так переживает его.

— Нет, я понимаю, с куклой, во время игры, но она всем им поотрывала головы. Это нормально?!

— Она просто говорит, что все барби похожи на твою ...новую маму. Ты сам покупаешь ей одних блондинок.

— Ах, так это ещё и я виноват?

— Успокойся и не повышай тон.

* * *

Дорогой дневник, сегодня все в классе рассказывали про домашних животных, я написала красивое сочинение о том, как мой кот Феля и камень Галя дружат, но все стали смеяться, а учительница похвалила меня за фантазию. Что тут смешного? Зато "пять" хотя бы поставили. А Феликс и правда любит гонять камушек по полу, примуркивая что-то. Наверное, они всё-таки и правда разговаривают, просто я не могу подслушать (секретничают).

* * *

Переезд. Опять. Снова. Заново.

Коробки, пакеты, сумки, рюкзак.

— Кажется, мы сделали это, да, да?

Руки ноют от тяжести, которые полдня перетаскивались из квартиры в новое место обитания. Надеюсь, хотя бы здесь останусь на подольше.

Квартира отягощает своей пустотой, нет какого-то внутреннего домашнего хаоса — признаков обжитости и обитания людей.

Зато красивые белые пластиковые окна: такие не будут пропускать косяй дождь или холод, такие не нужно к заморозкам заделывать слоями строительного скотча, ваты и старых газет. Старое, тщедушное дерево не будет пластами отдавать слои краски при любой попытке помыть их. Широкий подоконник — золотое сечение этой комнаты. Мне захотелось поставить яркую чёрную точку на его белоснежной беспредметности.

— Ты что делаешь?

— При переезде обычно первым должен зайти котёнок. Но у меня другое домашнее животное.

— Да ладно, шутишь?

— Ага. С командировками ничего звериного не завести. Цветы все иссохлись после моей последней стажировки. А этот — ни к ветеринару, ни корма, да и мебель не испортит.

— А как зовут хоть?

— Камень. Просто Камень.

ХАНУМАН

— Либо эта тварь сейчас же отдаст мне очки, либо я её сейчас задушу!

Эти слова в различных вариациях, приправленные сочным матом, я слышала уже битых пять минут. Заезженный репертуар переходящая на ультразвук Вика менять не собиралась.

Зато на ветке над нашими головами разыгрывалась постановка одной из самых известных басен дедушки Крылова. Аккомпанемент симфонической истерики только подбадривал единственного актёра. Он входил в раж и наплевывал эти “дизайнерские за пятьдесят баксов, менямамаубьеззаних” очки то так, то сяк, согласно классическому сюжету.

Возможно, я испытываю некоторое злорадство. Но когда ты идёшь в храм Ханумана, будь готов к долгому пути под неистово палящим солнцем в сопровождении “аватаров” обезьяноголового бога. Идеально не иметь ничего заманчиво-блестящего: в этом тропическом лесу определённые животные могут отнять у туриста и серьги, и цепочку, и бутылку с водой, и кепку. Нужно идти подготовленным. Тореро не бросается в “бой” в неудобной одежде и в красном — лишь алая тряпка будет вызовом животному.

Откормленная обезьяна не шла на обмен — ей предлагали яркую “Фанту” и печенье, но она и не сдвинулась с места, любуясь своей обновкой.

Я заметила немолодого монаха, идущего из храма навстречу к нам.

— Если сейчас не заткнёшься, может прилететь. Это священное животное и за его оскорбление могут выгнать.

— Да пусть хоть трижды священное, этот волосатый мешок говна издевается надо мной. Слышь, тварь, живо отдай мне очки! Отда-а-а-ай!

Вика подняла камень и замахнулась, целясь в упитанную, светло-рыжую обезьяну. Я схватила её заведённую для броска руку. К нам подошёл монах. Я мысленно преодолела три километра назад под нитьё Вики об утерянной драгоценности. Жалела упущенное время. Злилась на то, что пошла именно с этой дурындой. А до храма оставалось совсем немного!

Вика оторопела от приветствия монаха и выронила камень. Мы стояли, как нашкодившие школьницы перед учителем: не хотелось слышать о плохом поведении.

— Я Радж-бабу, — представился он полусшёпотом на хинди.

Я сверлила глазами землю, наблюдая за тихим ходом красного громадного муравья мимо моей левой кеды.

— Вы можете что-нибудь сделать с этой обезьяной? — с претензией сказала Вика.

В этот момент я впервые в жизни поняла, что такое “испанский стыд”, когда тебе невыносимо стыдно за другого человека, который мук совести ни-сколечко не испытывает. Шепча, будто у него нет сил, чтобы полноценно выговаривать слова, на мягком и тихом хинди он произнёс:

— Хануман благословил вас своей игрой. Он любит так оказывать своё почтение иноземцам. Удача будет сопутствовать вам.

Седая борода недлинна, она касается груди монаха и будто бы заправлена внутрь запахнутого халата. Мне показалось, что это не один старик, а два карлика, стоят друг на друге, и один дергает другого за бороду через одежду, чтобы второй не забывал раскрывать рот, когда прожёвывает и, едва размыкая губы, доставляет слова до слушателей.

— Вы что, научили их этому? Перепродаёте ворованное? Как вы можете так спокойно говорить, когда моя собственность у этой волосатой дряни! Это не Хануман, а наглая, толстая, вредная мерзавка! — Вика вполне порусски выкрикивала возмущения то монаху, то замершему на ветке животному. Я не могла понять, кто больше шокирован или раздражён такой тирадой — оба лица не выражали ни одной эмоции.

Тишина звенела так, что я не слышала даже шелеста листьев на деревьях.

Обезьянка, видимо, переварив всё сказанное, прыгнула на ветку соседнего дерева, потом на другую и быстро удалилась в лес.

Монах неторопливо проговорил:

— Не хотите ли зайти в храм?

Вика начала бычиться — стоять на своём. В животном мире — животные правила. Я ущипнула её, как это делают гуси, больно, сильно. Жертва ощутила мой протест и всё же стала человеком.

— Да, конечно, спасибо, — пыталась я строить из себя самую беспечность после произошедшего. Но ответ монаху, видимо, был не нужен — он уже развернулся и спешно пошёл. Я быстро его догнала. Вика плелась немного позади нас, с надеждой поглядывая на лес. Ясно, что очки безвозвратно утеряны. Или подарены богу. Тут уж как посмотреть.

Широкая каменная лестница с шатающимися от времени ступенями вела к небольшому храму. На воротах — каменной арке перед ним, — как бы в насмешку Вике, сидела обезьяна из ярко-рыжей глины. Точь-в-точь, как воровка.

Храм меня не впечатлил. Небольшой, усеянный изображениями обезьян, которые смотрели на посетителей с купола потолка, рыжеватых стен. Перед блестящей золотом статуей Ханумана курились большие пучки благовоний, от дыма в помещении слезились глаза. Пол рядом с богом устлан лепестками и головками цветов. Я быстро расстегнула рюкзак и кинула подле него уже слегка увядающую гирлянду гибискуса, которую на меня нацепили утром работники отеля. Не хочу сказать, что я поклоняюсь чужим богам, просто мне показалось, что там эта вещь будет на своём месте. Монах поднял гирлянду и повесил на шею Ханумана, читая мелодичную мантру. Он немного постоял, глядя на идола, но мне показалось, что в статуе за это время что-то изменилось. Будто она подмигнула старику. Это слишком странно. Глаза слезились от дыма. Может примерещиться всякое от быстрого моргания и неприятных ощущений; обоняние желало свежего воздуха. Радж-бабу резко развернулся к нам и сказал, что пора выходить, скоро будет совершать пуджу — приношение богу. Его серая одежда сидела так мешковато, что я всё ещё не упускала из виду версию про двух карликов, стоящих друг на друге.

После приглушённого света в этом маленьком храме мир стал свежее, ярче и громче. Я услышала окрики обезьян. Если Дарвин прав, то и мы когда-то так же общались нечленораздельными звуками, перескакивая с ветки на ветку. Пока шли до храма, успели вдоволь насмотреться на этих животных, ловких, громких, но пугающих своей отдалённой схожестью с человеком. В этот момент я больше склонялась к версии про Адама и Еву.

Радж-бабу вызвался проводить нас до ближайшей станции электрички. Он сказал, что там есть такси и можно сторговаться, чтобы нас отвезли до

города примерно за семьдесят руший. Тут недалеко. Вышли из храма, пройдя арку с застывшей в неестественно счастливом выражении лица обезьяной из глины. Монах показал тропинку, по которой путь занимал меньше времени, так как вёл к ближайшей станции, а не к той, которая указана во всех туристических справочниках, потому что на такси до города делают большой бизнес. Старик шёл с нами недолго. Сказал, что должен успеть вернуться к пудже, дальше нужно идти просто прямо-прямо. Я сверилась с картой — действительно, до станции рукой подать. Ободрённая маленьким расстоянием, Вика ринулась вперёд. Я обернулась, чтобы поблагодарить монаха, но его уже не было. Только на ветке дерева, под которым он стоял, объясняя нам дальнейшую дорогу, сидели две очень маленькие грязно-серые обезьянки. Стало не по себе. Они будто следят за нами.

Вика торжественно отомстила, ущипнув меня за руку:

— Чего зеваешь? Хочешь, чтоб у тебя карту из рук зверюги выдрали? Пошли скорей, я в отель хочу-у-у!

Я решила идти, не оглядываясь. Впереди уже был слышен гул междугороднего поезда. Можно было разглядеть впереди небольшой вокзал. Но на этот раз остановилась уже Вика:

— Смотри, эти серые твари на нас всё ещё зырят. Вон, на ветке. Слышь! Передайте там своей подруге, что я её всё равно ненавижу и не верю в этих ваших обезьяньих богов!

Вика для убедительности показала язык, а обезьянки будто только этого и ждали. Я схватила юного осквернителя храмов и святых животных за руку и побежала. Примерно представляла, как нужно спуститься с небольшой лесной возвышенности, чтобы добежать до вокзала, не переломав себе ноги, но обезьянки знали лес с самого детства. Преимущество на их стороне. Я подвернула ногу и кубарем полетела, больно ударились спиной о дерево, и экстренный слёт вниз оказался непродолжительным. Меня охватил страх, когда я ощутила, что по спине что-то растекается. “Только не кровь, пожалуйста, только не это”. Что-то предательски хрустнуло, словно позвоночник перестал быть целостным. Я читала о таком. Люди первые несколько минут не чувствуют ничего из-за болевого шока. Я могу сейчас постараться что-то сделать. Но что? Решила лучше ощупать спину, попытавшись представить масштаб бедствия. Сначала нужно снять рюкзак. При этой простой процедуре меня осенило — от удара лопнула спасительница-бутылка. Ощувив, что нужные кости на месте и сильных повреждений нет, отплёвываясь от травы и грязи, я поклялась себе, что с меня хватит лесов и всяких этих прогулок на природе в туристическом экстазе первооткрывателя. Саундтреком неожиданного исцеления был непрекращающийся вопль Вики. Вспомнилась мамина фраза: “Если Вику едят тигры — ей уже не помочь, спасайся сама”. Подумав о том, что заново умереть мне совсем не хочется, причём шанс сделать это по-настоящему увеличился с каждой секундой крика несчастной, я решила не испытывать судьбу, постараться встать и доковылять как можно быстрее до станции. Да, друг из меня никудышный, но этот нытик омрачал каждую идею в течение двух месяцев нашего знакомства. А что я скажу её родителям? А что я скажу в посольстве? “Извините, её разодрали на части тигры, а я героически спасала свою жизнь”? А вдруг она выживет, станет отшельником-дрессировщиком обезьян и когда-нибудь последнее, что я увижу в жизни, — острый кинжал, занесённый волосатой лапой исполнителя — безвольной и тупой марионетки?

Крик затих. Ладно, была — не была. Я поднялась и поняла, что нога не так уж и сильно повреждена. Нечто, судя по шороху кустов, направлялось прямо на меня. “Ну, если это тигр, я не успею. Если это человек, что маловероятно, с такой ногой — тоже не успею. Привет, смерть!” Как бы радостно это ни звучало, руки холодели от страха.

— Ты тут?

Голос Вики стал наивысшим радостным звуком в жизни. Я была готова поверить во все тридцать три крора индусских богов, раз всё так потрясающе получилось.

— Да. Я думала, тебя задрали тигры.

— Ты тупая? Тут тигров нет, они бы всех этих мразот пережрали. И правильно бы сделали. Эти две твари вцепились в мои волосы, я закричала, они ещё сильнее вцепились, я тогда упала на землю и начала их отди- рать, бить, заорала сильнее, и они, видимо, испугались.

Мы начали обниматься, будто лучшие друзья, и я рассказала историю своего падения. Как вдруг послышался этот мерзкий звук — обезьяний окрик. Две серые бестии, радостно погумкивая, сидели на ветке. Вика схвати- ла большую палку и кинула. Обезьянки, вереща, убежали вглубь леса, при этом одна выронила из лапок что-то небольшое. Оно упало почти к Ви- киным ногам.

— Смотри! Это же бумажник!

Действительно, это чёрный кожанный бумажник от “Лакост”. Серебри- стый крокодил словно смеялся, разинув пасть.

— Да мне тут на десять таких очков хватит! — Вика прыгала, быстро сменив гнев на милость, стараясь не думать, что у кого-то эти деньги вырва- ли наглые обезьянки.

В такси она призналась, что даже готова поверить в догмат о непогреш- имости и святости культовых животных, ведь, по сути, всё было предопре- делено и вообще, даже монах похож на обезьяну, и это напоминает какую- то степень инициации простого смертного на пути понимания великого бога.

Я молча слушала восторженный трёп, чувствуя, как волнообразно нака- тывает боль от подвернутой лодыжки. Внутри зарождалась макакофобия. Интересно, такая есть?

Таксист, не обращая на нас внимания, болтал на хинди по телефону, ви- димо, решив, что мы, как и все иностранцы не понимаем его. Он жаловал- ся, что в фирме ввели какой-то налог на каждого клиента, а младшему по- ра в школу, и они хотели купить стиральную машину, потому что у него сердце сжимается, когда его старая мать полощет одежду в ведрах. Вика са- мозабвенно придавалась изучению “дара Ханумана”. Я решила озвучить свои опасения.

— Давай пока не будем тратить.

— Почему?

— В этой стране пятьсот долларов — настоящее состояние. Посмотри на этого бедолагу. Он только что сказал, что его зарплата два доллара в день.

— Ну, не может себе обычный индеец позволить кошелёк от “Лакост”!

— Я видела на базаре в Пахарганче сумки от Гуччи и Тиффани за 200 рупий. Это дешёвая подделка. Посмотри на кошелёк, какая грубая ко- жа! Замок на отделении для мелочи тугой. Нитки торчат из швов. Здесь лю- бят похвастаться призрачным достатком. Вон, у нашего водителя палёный айфон.

— Ты почему так решила?

— Когда он набирал номер, было видно, что на нём стоит прошивка ан- дроида. Хотя человек, как ты можешь слышать, не может себе позволить да- же стиральную машину.

На лице Вики отобразился долгий мыслительный процесс. Я разгляды- вала фигурку Ханумана на бардачке машины. Мне стало противно от обезья- няньего немигающего взгляда.

Резкая остановка! Впечатываюсь лицом в спинку кресла водителя. Ощу- щение, что сломала нос. Вику тоже не слабо впечатало, но будь сила инерции выше — вылетела бы в лобовое стекло. Вот зачем в машине ремни безопас- ности. Тяжело дышать — мир с запахом железа. На дороге будто ничего не произошло. Мы чуть не врезались в резко затормозившую машину впереди. Водитель высовывается из окна, громко бибикает. Поворачивается к нам и на неприятном английском вещает: “Итз онлай коав”. Действительно, про- сто корова. Даже за её непреднамеренное убийство здесь реальный срок в тюрьме. Священное животное.

Ждём уже двадцать минут, пока скотина перейдёт дорогу. Может быть, на неё наехали. Не знаю. Не хочу знать. На джинсы капает кровь с тонкой салфетки в руке. Индийцы из ближайших машин, как и наш водитель, вы- ходят посмотреть, Вика тихо матерится. Ещё полчаса ждём, нас настигают

сумерки. Движение наконец-то реанимировано. Кровь не идёт. Но я выгляжу, как бывалый боец. Хочется сфотографироваться и отправить кому-нибудь. Чтоб попереживали. Ощущение, что до меня нет никому дела, даже Вика уткнулась в инстаграм, хотя я тут истекала кровью. Так, всё. Выключаю детский сад в голове. Сама всё остановила, нашла влажные салфетки и привела лицо в порядок.

Вика предложила выйти чуть раньше, чтобы зайти в круглосуточный супермаркет и купить чего-нибудь поесть. Я согласилась. Единственное, что она сказала за время стояния в пробке:

— Ну, понимаешь, эти деньги — нам воздаяние от бога за мои очки.

Внутри маркета было не супер. Маленький, с еле работающим кондиционером. Я выбрала большую бутылку ласси — что-то вроде не кислого кефира с соком фруктов — и килограмм манго. Здесь это очень дешево, хотелось наесться, чтобы не мочь видеть их в Москве со стопроцентной наценкой. Как-то раз Вика сказала, что я думаю калькулятором. Возможно, так и есть. Сейчас поняла, что на эти пятьсот долларов из найденного кошелька можно купить столько еды, что ей может кормиться два месяца семья из четырёх человек. А если проводить закупку на базаре, то корзина увеличится раза в три — там всё неизменно дешево. Но для местных. Когда я хотела купить в магазине под навесом один ананас, который, судя по надписи на коробке, продавался за сто рупий килограмм, продавец пытался втюхать мне его по триста рупий за штуку. Пока не понял, что нарвался на человека, понимающего надписи восточной абракадабры на ящиках.

Вика присоединилась ко мне на кассе, сжимая палку колбасы и бутылку рома. Она радовалась, что нашла что-то мясное. Я почитала состав и огорчила её — там была куриная чепуха и соя.

— Ну, зато хоть что-то!

Номер один на двоих. Приходилось делить личное пространство. Принимая душ, я слышала, как Вика описывает родным день по скайпу. Мне даже стало её жалко. Спина всё ещё саднила, но зеркало не показывало синяка. Наверное, будет завтра. Пока Вика занималась водными процедурами, напевая что-то попсовое, я бухнулась на диван. Внимание привлёк тёмный предмет на столике — бумажник. Крокодил заманчиво поблескивал в свете лампы. Я взяла его.

Да, это обычная дешёвая подделка. Рептилия пластмассовая, а не железная. Мне не нравится этот кусочек чужой жизни, случайно попавший к нам в руки. Он какой-то неорганичный в порядке вещей моего мира. Бумажник из грубой кожи молодого дерматина. Я открыла его. Внутри двести долларов. Видимо, Вика перепрятала другие деньги. Но зачем? Я открыла маленький кармашек для мелочи. В нём лежал небольшой железный ключ с гравировкой: “Hanny-hotel, 223”. На столике лежал в точности такой же — наш ключ, только цифры отличались всего на одну — мы живём в 222 номере. Не люблю такие опасные случайности. Я положила его на стол, он громко звякнул о стеклянную поверхность. Сложив деньги обратно, я села в кресло, начала вертеть в руках бутылку рома.

Медик, консультировавший нашу группу перед вылетом, прослужил много лет в странах Востока. Он говорил, что здесь есть всего два страха: первый — остаться без воды, второй — съесть то, от чего умрёшь. Про первый случай он рассказывал, что, будучи в одной из арабских стран, должен был срочно ехать в какую-то деревню в пятнадцати километрах от города, где один человек из группы исследователей, собиравших арабский фольклор, внезапно свалился с лихорадкой. Связь была ужасной, он успел только сказать о том, что нужно огородить больного от контактов с незаражёнными. Связь оборвалась, так как начиналась песчаная буря. Будучи молодым специалистом, ещё помнившим наизусть клятву Гиппократова, он решил во что бы то ни стало добраться до деревни. Машину не дали. Сказали, застрянет даже вездеход, его просто-напросто замурует слоем густого песка. Не хотели отпускать. Но махнули рукой, видя его успешность и горячность. Может, и успеет, тут всего пятнадцать километров, верблюд преодолеет это расстояние за пару часов, а бурю ждали только ночью. Согласно прогнозу, она уляжется

до обеда следующего дня. Но это же около восемнадцати часов, за которые с больным может случиться что угодно. Горячность молодого специалиста восприняли как подвиг все, кроме местных. Они считали, что он умрёт.

Большую группу на вездеходе выслали только после полудня на следующие сутки. Оказалось, это не лихорадка. В пустынях ночи холодней, чем кажутся, исследователь спал в слишком лёгкой одежде, из-за чего подхватил слабую форму пневмонии. Но группа фольклористов утверждала, что никакой специалист за день ранее к ним не приезжал.

Нашли его через два дня, истощённого, в двадцати километрах от города. Он поехал на мираж деревни, который оказался старой разваливающейся на части мечетью. Переждав в её стенах бурю, которая длилась дольше, чем планировалось, он понял, что выпил всю воду. Жажда — чёрная смерть в пустыне. Очень долго терпел, но понял, что может просто упасть в обморок от обезвоживания на страшной жаре. Песок скрипел на зубах, хозяйничал в волосах, под одеждой. В аптечке были только лекарства и бинты. Он решил на страшный шаг, отрезав себе путь назад. Всё равно не знал, в какую сторону деревня. Понимал, что его скоро начнут искать, и главное — переждать некоторое время. Покорный верблюд сидел в тени мечети. Ласково глядя по длинной и бархатистой морде цвета песка, медик резко и точно перерезал его артерию. Чтобы не погибнуть от обезвоживания, он мешал верблюжьей кровью с медицинским спиртом, снижая риск заболеть чем-нибудь, что носит в себе животное.

Инструктируя нас, этот человек сказал, что вода и спирт — вот что спасёт вашу жизнь. В Индии, стране, где есть прямые источники холеры, нужно раз в два дня дезинфицировать желудок, убивая всю патогенную микрофлору, снижая риск заболеваний. Дезинфекцию решили совмещать с приятным — двести граммов рома подходило для этой задачи. Со второй опасностью, о которой говорил инструктор, мы уже почти справились — килограмм манго плавал в ведре ярко-фиолетового раствора марганцовки. Через пятнадцать минут нужно будет разложить фрукты на полотенце, дать обсохнуть, протереть ромом нож (спирт кончился, когда мы прижигали свои царапины) и начать объедаться спелыми фруктами.

Вика вышла из душа. Я всё ещё задумчиво вертела бутылку в руках. “Old Monk” — говорила золотистая надпись. Под ней красовался портрет старого средневекового монаха. Его черты чем-то напомнили мне лицо служителя культа Ханумана в сером балахоне. Стало противно. Я со стуком поставила бутылку на столик.

— Прикинь, в Москве такой стоит под три тысячи, здесь — всего двести рупий! И это именно индийский ром, его здесь готовят, — заметив мои раздумья, весело сказала Вика.

— На нём монах противный. И вообще его завезли британцы, солдатам, обслуживающим колонии, нужно было что-то пить. А эта их местная водка слишком отвратная.

— Ну, вот и не кукуйся. Помнишь, что Матвей Михайлович сказал? Раз в двое суток — обязательная дезинфекция!

После такого напряжённого дня мне хотелось каночить или скорее лечь спать. Желудок недовольно урчал о своей пустоте, электронные часы показывали час ночи. Вика с энтузиазмом укладывала манго на белое полотенце. На нём появлялись фиолетовые следы марганцовки, растекающиеся незамысловатыми лужицами.

Я открыла ром и вылила немного на бумажную салфетку, она сразу прилипла к руке. Протерла нож, часть стола и пакет, на котором предполагалась импровизированная разделочная доска. Когда спирт испарился, осталась неприятная горьковатая отдушка. Индийская колбаса резалась слишком просто, как масло, хотя, выдавший виды нож был не слишком острым. Оказалось, на вкус это соя. Коллективным разумом решили сделать салат из манго и всё же доесть чудо продуктовой промышленности. Дежурные двести грамм выпиты и резко начали согревать. Ели в тишине. Я думала о том, что же лучше привезти близким, но в какой-то момент поняла, что лучше всего — себя живую. Ну, и магнитики. И конечно, благовония с чаем.

Послезавтра самолёт в Кералу, второй этап стажировки. Нам даже не сказали, к чему готовиться. В принципе, проекты защищены, лекции и мастер-классы мы посетили. Наверное, предстоит что-то экскурсионно-отдыхающее. А ещё океан. Тёплый...

Вика быстро расправилась с салатом и взяла в руки злополучный бумажник.

— Я его открывала, пока ты мылась. Там ключ от соседнего номера. Может, занесём его владельцу?

Глаза Вики округлились.

— Таня, тут восемьсот долларов! Мы как-то лихо обсчитались!

Я откладываю тарелку и рассказываю, что пока она была в душе, я увидела там двести долларов. Вика смотрит ошалело.

— Ты, видимо, когда кубарем катилась, башкой тоже деревья пересчитала.

Я понимаю, что ничего доказать не могу. Хотя верю своим глазам. Заставляю Вика выложить купюры на чистую часть столика. Ровно восемьсот. Бумажник пуст. Я беру его в руки и верчу. Никак не изменился. Противный запах, торчащие нитки, крокодил с открытой пастью. Или он был с закрытой? Так.

— Мы немного выпили, был тяжёлый день. Я считаю, что сейчас нужно убраться на столе и идти спать. Утро вечера мудренее. И не пиши об этом в общую беседу. Нам нужно самим разобраться.

Парадоксально, Вика впервые решает не спорить. Я засыпаю с мыслями о том, что просто с утра позвоним на ресепшен и всё узнаем о соседях. Может, они вообще уже уехали. Или потерялись в том прихрамовом лесу. Может, всё-таки виноваты тигры. Подушка слишком жёсткая. Спина саднит. Я привстаю на кровати. Иду в гостевую часть номера, собираю все деньги со столика, считаю — да, восемьсот. Открываю кошелёк, укладываю туда аккуратно купюры. Мысль о том, что их нужно вернуть, преследует меня. Я вновь открываю отделение для мелочи. В нём лежит пятьдесят долларов. Бужу Вика. Она просит ущипнуть себя. И ещё. Снова пересчитываем деньги. Да, на пятьдесят больше. Она предлагает повторить эксперимент. Мы вытаскиваем все деньги на прикроватную тумбочку, удостоверяемся, что купюр больше нет. Через пару мгновений томительного ожидания вновь открываем дерматиновый чёрный кошелёк. Он пуст. Может, ему нужно полежать некоторое время?

Решаюсь на отважный шаг. Вертя в руках ключ от чужого номера, звоню на ресепшен. Девушка с яркоокрашающим английским отвечает мне. Я хотя бы понимаю этот акцент.

— Доброго времени суток. Я вас слушаю.

— Здравствуйте, у меня один вопрос...

— Да, конечно.

Я немного молчу, стараясь подобрать слова. Ключик холодит руку железом. На ресепшене оживляются.

— Если мисс хочет определённых видов услуг, которых нет в преискуранте...

— Нет-нет. Вы меня неправильно поняли. Наши соседи. Через стену, в 223 номере. Они очень громко шумят, не могли бы вы сказать им быть потише?

Вика мотает головой и шипит: “Ты чего ващццще делаешшшь?”

На другом конце провода висит молчание.

— Мисс, извините, возможно, это ваши соседи сверху, мы позвоним им. Жильцы из 223 ещё не вернулись.

— О, спасибо, нет, впрочем, уже ничего не нужно, спасибо.

— Всегда рады по...

Я с колотящимся сердцем бросаю трубку. Пересказываю Вике услышанное.

— А вдруг этот кошелёк месяц назад потеряли? И это вообще другой человек?

— А вдруг нет?

Вика хочет думать, что хозяин утерян и бумажник наш. Я хочу спать и понимаю, что на свежую голову любая проблема решаема. Она соглашается. Долго ворочаясь, никак не могу провалиться в темноту.

Утром порадовал индийский шведский стол. Несколько видов нарезанных фруктов, омлет, чай, кофе и гулаб-джамуны. Вика возмущалась, что перед её носом кончились манго. За соседним столиком престарелая немка возмущалась по телефону том, что наглые обезьяны вырвали кошелек её мужа рядом с храмом. Вот и решение проблемы. Сейчас отдадим и гора с плеч.

— Айн таузенд ойро! Айн таузенд ойро!

Неприятное ойкающее произношение евро засело глубоко в ушах. “Таузендойро” — калькулятор в голове скрипел, но не мог сопоставить наши восемьсот пятьдесят и тысячу. Может, она привирает приятельнице? Хотя нет, немцы вроде народ расчётливый и бережливый. Фу-фу, стереотипы — вон из головы! Она, смакуя, описывала, как же дешево они купили с мужем на ближайшем рынке “вундерную” подделку под “Лакост”. И теперь они намерены разбираться и просить компенсацию у ошалевших храмовников! Всё сходилась.

— А я вчера в интернете ночью почитала, что если брать найденные деньги правой рукой, то всё будет хорошо, а если левой, то они несчастье принесут. А я уже не помню, какой брала. А ещё там кто-то писал, что лёгкие деньги должны легко уходить. А индийцы вроде как верят, что любая находка — дар за что-то. И есть один американский фильм, там подростки нашли много денег, а они оказались прокляты... — балаболила Вика, не понимающая немецкого.

Вспоминая, что многие немцы старшего возраста ещё помнят русский, который в их время часто факультативно преподавался в школах, я нежно и тихо попросила Вику заткнуться.

Когда дорожная фрау ушла, я перевела ситуацию Вике. Мы поняли, что никто не поверит в сказку об обезьянках, которые вынули немного “ойро”. Нас заподозрят в краже части денег. И вывалиться из кошелька они не могли.

— Говоришь, быстрые деньги быстро тратятся?

Я вновь поняла, что в жизни никогда нельзя зарекаться. Меньше чем через полчаса стою у той самой тропинки через лес к храму Ханумана. Вика жлобилась, считая, что мы должны их потратить на себя. Хотя и соглашалась, что удача отвернулась от нас, возможно, из-за этой вещи. Так что я сегодня представляюсь ужином. Памятуя недавние события, она осталась ждать в машине.

Мне кажется, что это самый правильный вариант развития событий. С кошельком к нам пришли неприятности, мы не знаем, куда его деть. И как правильно с ним поступить? Лучше избавиться от него. Да, возможно, это иррационально.

Тропинка резко поднималась по небольшому возвышению, с которого пришлось мне вчера скатываться. Взойдя на него, я увидела протоптанную дорожку. Хотя бы не потеряюсь. Когда до храма было уже так близко, что улыбающиеся фигурки обезьянок можно было разглядеть и посчитать, стало казаться, что затея ужасно глупая.

Я зашла в маленькую молельню. Благовония делают воздух объёмным. Ощущаю дым кожей. Кладу к ногам идола кошелек. Где-то рядом громко вскрикивает обезьянка. Оборачиваюсь. Никого.

Почти все древние монументальные изображения индусского пантеона из камня или металлов имеют одну особенность. Боги с закрытыми глазами. И только в этот момент я ощутила неопределённость. Веки Ханумана дрожали. Я решила, что это дым. Или слезятся глаза. Или всё же сотрясение из-за вчерашнего поклонения священной дуре-корове. Выбегаю из храма. Радж-бабу или очень сильно похожий на него монах останавливает меня жестом.

— Бог любит играть. Мы всего лишь его дети.

Я вспыхиваю: слишком долго негодование и обида за все эти приключения зрели внутри:

— Я поклоняюсь другим силам.

Тишина принимает эти слова. Монах, затихшие животные и священный лес провожают долгим взглядом. Вслед смотрит глиняная обезьянка, резко повернув голову в сторону удаляющегося человека.